

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-1-10

УДК 811.161.1'373

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА
ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЗООМЕТАФОР-ИНВЕКТИВ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Маслов А.С.

Инвективные зоометафоры – одна из продуктивных групп инвективной лексики. Инвективность пейоративной лексики очевидна, в то время как инвективность зоометафор нуждается в доказательной лингвистической базе, поскольку речь идёт о вторичных значениях зоонимов, которые являются элементами литературного языка и сами по себе не инвективны, а их вторичное инвективное значение зачастую не отмечено словарями либо лишено предупредительных помет. Целью нашей работы является доказательство инвективности подобных образований для обеспечения соответствующего инструментария при проведении лингвистических экспертиз. В статье представлен пример комплексного исследования инвективных зоометафор – сравнительный анализ зоометафор-инвектив друг с другом, а также со словами из других разрядов инвективной лексики, основанный на рассмотрении предписывающего значения инвективных лексико-семантических вариантов (дефиниции, представленные в словарях различного типа), а также описательного значения (выявленного в ходе лингвистического эксперимента). Для иллюстрации приведены 3 пары сравниваемых инвектив: *козёл – осёл, дебил – баран, кошка – сучка* и представлены результаты лингвистического эксперимента, в ходе которого респонденты определили в каждой из пар наиболее оскорбительный ЛСВ. Результаты даны в контексте гендерных, возрастных, социальных и географических особенностей

респондентов. Помимо обоснования возможности использования экспериментальных методов исследования и практического применения полученных выводов, также представлен авторский алгоритм проведения лингвистической экспертизы по вопросам оскорбления чести и достоинства человека.

Ключевые слова: лингвокриминалистика; лингвистическая экспертиза; оскорбление; зоометафора; инвектива; негативно-оценочная лексика; инвективная зоометафора; индекс инвективности.

INTEGRATED APPROACH IN STUDY OF ZOOMETAFOR INVECTIVE IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Maslov A.S.

Invective zoometaphors - one of the productive groups of invective vocabulary. Invective of pejorative vocabulary is obviously, while invective of zoometaphor needs in linguistic evidence base. A secondary zoonyms values that are elements of literary language and they do not invective considered in the article, and their secondary importance invective often noted by dictionaries or deprived warning litter. The aim of our work is the proof of invective such entities to provide appropriate tools during linguistic expertises. The article presents an example of a comprehensive study of invective zoometaphor. It is the comparative analysis of zoometaphor - invectives with each other and with the words of other sort of invective lexicon based on consideration of prescriptive values of invective lexical semantic variants (definitions provided in dictionaries of various types), as well as descriptive values (identified during the linguistic experiment). As illustrations are 3 pairs compared invective: goat – ass; moron - sheep, cat – bitch. The results of the linguistic experiment in which respondents identified in each of the pairs of the most abusive LSV are presented. The results are given in the context of gender, age, social and geographical

characteristics of the respondents. In addition to study the possibility of using experimental research methods and lessons learned the author's algorithm actions during linguistic expertise on offense presented.

Keywords: lingvokriminalistika; linguistic expertsiza; insult; zoometaphora; invective; negative and evaluative lexics; zoometaphora invective; index invective.

Введение. Исследование зоометафорической лексики – перспективное направление лингвистических исследований, поскольку зоометафоры – одна из продуктивнейших лексико-семантических групп любого языка, а инвективные зоометафоры – одна из наиболее обновляемых и объёмных групп зоометафор. Теоретико-методологической базой исследования послужили положения о взаимосвязи и взаимообусловленности языка и культуры, разрабатываемые в рамках когнитивной лингвистики и лингвистической культурологии (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, С.А. Кошарная, Е.С. Кубрякова и др.); а также концепции отечественных и зарубежных исследований, посвящённых анализу инвективной и обценной лексики (Голев, 1999, 2000; Мокиенко, 1994; Шарифуллин, 2000; Жельвис, 2004; Стернин, 2010 и др.), зоонимов и их производных (Патюкова, 2009; Голубовська, 2003; Жерибко, 2005; Kruse, 2002; Rodríguez, 2009; Скиданенко, 2000 и пр.) и проблематике метафоры (Чудинов, 2003; Вершинина, 2002 и др.)

При рассмотрении инвективных зоометафор как одного из разрядов инвективной лексики мы не можем согласиться с синонимичным термином «негативно-оценочные зоометафоры», который использует Т.Э. Поваляева [13, с. 189-197] для обозначения этой группы лексики, так как все инвективные зоометафоры можно отнести к негативно-оценочным, но не всякая негативно-оценочная зоометафора может считаться в полной мере инвективной (*бегемот – перен.* Плотный неуклюжий человек, увалень (шутл.), *ворона – разг.* О рассеянном, невнимательном человеке, *кот – перен.* О похотливом, сластолюбивом

мужчине (прост., пренебр.)) Мы в своей работе будем оперировать термином зоометафора-инвектива (инвективная зоометафора), так как считаем его более точным.

Аккумулирующая функция зоометафор в полной мере объясняет их вхождение в полевые структуры различных концептов, значимых для русской культуры. Наиболее частотные инвективные зоометафоры можно условно разделить на четыре группы (по характеру объекта описания): 1) характеристика особенностей внешности, 2) оценка характера и стиля поведения, 3) характеристика особенностей профессиональной деятельности и 4) характеристика гендерных особенностей.

Инвективные зоометафоры обладают следующими свойствами:

- двойственность природы (инвектива одновременно выступает объектом лингвистики и права);
- высокая словообразовательная и смыслообразовательная продуктивность;
- высокая частотность употребления (в экспрессивной, инвективной, художественной и пр. функциях);
- неоднозначность трактовки в связи с разночтениями в словарных дефинициях и неоднозначностью помет в различных нормативных и ненормативных словарях;
- синонимическая соотнесённость со словами из других разрядов инвективной лексики (*баран* – дурак, тупой; *корова* – толстуха, жирдяйка; *ночная бабочка* – публичная женщина и др.);
- длительная история функционирования в разговорном дискурсе и литературе.

В основе исследуемых единиц лежит ассоциация, с помощью которой *«инвектант обвиняет оппонента в наличии у последнего определённого отрицательного качества, которое национальная традиция приписывает тому или*

иному животному» [6, с. 253]. Инвективность зоонимов объясняется коннотативными компонентами значения ЛСВ, имеющих экспрессивный характер.

Цель работы. Зоометафоры-инвективы, как показывают тексты лингвистических экспертиз, на практике дают много поводов для разночтений. Инвективность пейоративной лексики очевидна, в то время как инвективность зоометафор нуждается в доказательной лингвистической базе, поскольку речь идёт о вторичных значениях зоонимов, которые являются элементами литературного языка и сами по себе не инвективны, а их вторичное инвективное значение зачастую не отмечено словарями либо лишено предупредительных помет. Поэтому нашей целью является доказательство инвективности подобных образований для обеспечения соответствующего инструментария при проведении лингвистических экспертиз.

Материалы и методы исследования. Исследователь Т.Э. Поваляева замечает, что употребление в речи негативно-оценочных зоометафор по отношению к конкретному лицу в практике лингвистической экспертизы рассматривается как оскорбление, при этом следует учитывать намерения говорящего, которые могут быть установлены в связи с конкретной ситуацией [13, с. 195]. Исходя из этого, при проведении лингвистических экспертиз, связанных с делами об оскорблении, необходимо, в первую очередь, ориентироваться на предписывающее значение слова, которое фиксируют словари. Однако абсолютно точно определить инвективный статус ЛСВ, опираясь только на данные словарей, нам представляется проблематичным. Здесь играют роль как сугубо субъективные факторы (личность лексикографа, его субъективная оценка переносных значений слов и др.), так и объективные: отсутствие общепризнанной системы помет в словарях, которая бы удовлетворяла нуждам лингвокриминалистики, а не вносила бы дополнительные спорные моменты, связанные с отсутствием единства помет в различных источниках. Нормативные словари порой не способны адекватно передать значение ЛСВ или выражения, употреблённого с инвектив-

ной интенцией, в то же время и словари ненормативной речи тоже не всегда справляются с данной задачей, поскольку представляют различные ЛСВ, которые не всегда соотносимы с одной и той же конкретной речевой ситуацией. Большая часть анализируемых метафор сопровождается в словарях специальными пометами, свидетельствующими об их яркой экспрессии, связанной с отрицательно-оценочными коннотациями: *бран.*, *пренебр.*, *презрит.*, *вульг.*, *неодобр.* Значительно более мягко в языковом коллективе оцениваются черты поведения, не столь глубоко связанные с нравственной оценкой личности: *задирность*, *задорная заносчивость (петух)*, *резвость*, *подвижность молодой девушки или девочки (коза)* и т.д. И в этом случае необходимы определённые параметры, которые позволят однозначно квалифицировать ЛСВ как инвективный. Согласимся с мнением Т.Э. Поваляевой, утверждающей, что *«при неоднозначной трактовке единственным прямым показателем инвективного характера слова следует считать размещение при слове пометы «бранное» или указание на бранный характер слова в его дефиниции»* [13, с. 196]. Но, учитывая, что стилистические и характеристические пометы в словарях зачастую весьма субъективны и требуют, по крайней мере, сравнения с пометами, которые характеризуют слово в других источниках, мы полагаем, что более надёжным оказывается определение ЛСВ как инвективного лишь при комплексном подходе к рассматриваемому явлению. Одним из решений здесь может быть одновременное рассмотрение предписывающего (зафиксированного словарями) и описательного (речевого) значений слова. Второе может быть выявлено посредством лингвистических экспериментов, с применением методики исчисления «индекса инвективности», о котором мы уже говорили ранее [9, 10]. В настоящей статье представим некоторые результаты эксперимента, связанного со сравнением степени инвективности синонимичных инвективных единиц.

Результаты исследования и их обсуждение. Нами был проведен лингвистический эксперимент, в котором приняли участие 114 респондентов. В ан-

кете участникам эксперимента необходимо было указать свой пол, возраст, социальную группу (школьники, студенты, работающие и пр.), место жительства и принадлежность к городской или сельской культуре. В экспериментальную группу вошли 30 мужчин (26%) и 84 женщины (74%); 12 респондентов (11%) – до 17 лет, 75 (66%) – от 18 до 21 года, 27 (24%) – от 22 до 35 лет и 1 (1%) старше 35 лет; 8 опрошенных (7%) – школьников, 76 (67%) – студентов, 30 (26%) – работающих; среди опрошенных – представители 15 муниципальных образований Белгородской области (Белгород, Старый Оскол, Белгородский, Алексеевский, Ракитянский, Грайворонский, Шебекинский, Волоконовский, Красногвардейский и др. районы), Ставропольского края, Сумской и Харьковской областей; 15 респондентов (13%) – представители сельской культуры и 99 (87%) – городской культуры. Данные социальные параметры представляются нам значимыми в контексте представления языковой личности респондента.

Респонденты должны были выявить (подчеркнуть) в каждой паре слово, которое, по их мнению, является более оскорбительным (при равной степени оскорбительности предлагалось подчеркнуть оба слова). Нами было рассмотрено 15 пар синонимов с участием инвективных зоометафор. Для сравнения мы отобрали лексемы, в которых при компонентном анализе выделяются общие семы, или языковые единицы, которые связаны друг с другом ассоциативно (как слова-стимулы с идентичным рядом слов-реакций). Наш выбор иллюстративного материала обусловлен высокой употребительностью данных элементов в спонтанной речи.

Для иллюстрации анализа результатов эксперимента приведём результаты по трём парам инвектив: *осёл – козёл*, *дебил – баран* и *кошка – сучка*. Выбор данных пар в качестве иллюстративного материала обусловлен следующими основаниями: в первой паре обе единицы представляют собой инвективные зоометафоры, во второй – инвективы различаются «генетической» принадлежностью (зоометафора и в чистом виде пейоратив), в третьей – зоометафора про-

тивопоставлена «стершейся», десемантизированной зоонимической метафоре, которая сегодня воспринимается как пейоратив, уже не связанный с производящим зоонимом.

А) **Осёл – козёл.** ЛСВ *осёл* и *козёл* можно отнести к универсальным оскорблениям (ср. *goat* (*козёл*) в английском языке обозначает дурака и простофилю (бран.), а *donkey* (*осёл*) – (бран.) глупца, дурака, тупого, упряма), несмотря на то, что нормативные словари русского языка не всегда отмечают у данных лексем переносные значения и их инвективный характер. Более строго определён инвективный статус зоометафоры *осёл*: в словарях (см. *Список использованных словарей*) эту лексему в её метафорическом значении сопровождают пометы *бран.*, *прост.*, *ирон.*, *руг.* Что касается ЛСВ *козёл*, то, несмотря на отсутствие в словарях переносного значения, связанного с наименованием человека, находим переносное значение в «Толковом словаре русского сленга» под ред. В.С. Елистратова [24] и ИС «Словарь мата» (http://www.russki-mat.net/e/mat_slovar.htm) [25], что свидетельствует о мощном инвективном потенциале слова. Кроме того, ряд значений данного слова имеет помету *уг.*, и в криминальной среде эти бранные ЛСВ входят в разряд наиболее оскорбительных. Однако, к счастью, не все закреплённые в этой языковой среде значения входят в активный обиход, обслуживая по-прежнему предельно узкую сферу маргинального общения.

Проведённый нами лингвистический эксперимент позволил зафиксировать следующие реакции на стимул *козёл*: *глупость* (6), *тупость* (5), *упрямство* (5), *рогатый* (3), *нечистоплотный*, *зловонный* (2), *за всех отдувающийся* (2), *козлиная борода* (2); соответственно, на стимул *осёл* – *упрямый* (11), *глупый* (7), *тупость* (7), *ушастый* (4), *упёртый* (2).

Образ козла в мировой и отечественной культуре двойствен: с одной стороны, известно представление о козле как о животном, связанном с традицией отпущения грехов (см. фразеологический оборот *козёл отпущения*); с другой

стороны, нечистоплотность данного животного повлияла на то, что у номинирующей лексемы отмечается отрицательная коннотация, вследствие чего зоометафора *козёл* входит в такие тематические группы, как сексуальная активность, похоть, нечистоплотность, интеллектуальные способности, упрямство, реализуя бранные ЛСВ. Образ *осла* в русской культуре связан с представлением о покорном, работающем и упрямом животном. Кроме того, в объектах вторичной номинации дополнительно находят отражение семы 'глупый', 'несговорчивый', 'ленивый'. Эта зоометафора находится в парадигматических отношениях синонимии со словами *дурак, идиот, козёл, обалдуй, олух, балда, остолоп, недоумок, кретин*. Словесные реакции на стимул *козёл* позволяют, с одной стороны, говорить о синонимичности зоометафор *жеребец, кот, кобель* и *козёл*, а с другой – зоометафора *козёл* может соотноситься с инвективами *гад, скот(ина)* как ЛСВ с выраженной отрицательной коннотацией.

Ответы опрошенных свидетельствуют, что в некоторых случаях данная зоометафора оказывается синонимом слова *мужчина*, когда последнее употребляется с негативной оценочностью, что подтверждается анализом многочисленных сетевых фрагментов речи, в которых ЛСВ *козёл* предстаёт в качестве частотной женской номинации лиц мужского пола. Достаточно последовательно отмечается и употребление данного ЛСВ с целью актуализации негативной оценки интеллектуальных способностей человека (синонимия с зоометафорой *баран*). Небезынтересным считаем тот факт, что большое количество реакций на данную инвективу связано с наименованием водителя общественного транспорта, что может свидетельствовать об устоявшейся негативной оценке предлагаемых услуг в этой сфере и данной категории работников. При этом данная реакция не обнаружена нами ни в толковых, ни в ассоциативном словарях.

Таким образом, можем говорить, что инвективы *осёл* и *козёл* – одни из наиболее популярных зоометафорических многозначных пейоративных обра-

зований. Учитывая зафиксированные в словарях переносные ЛСВ, можем говорить о частичной синонимии данных лексем, что и легло в основание их сравнительного анализа в ходе эксперимента (*Таблица №1*).

Таблица №1

Группы респондентов	Осёл (доля опрошенных в %)	Козёл (доля опрошенных в %)	Осёл=козёл (доля опрошенных в %)	Нет ответа (доля опрошенных в %)
Гендерный критерий				
Мужчины	7	8	7	4
женщины	19	32	15	9
Возрастной критерий				
До 17 лет	3	4	1	4
от 18 до 21 года	16	28	14	7
от 22 до 35 лет	8	8	6	1
Социальный критерий				
Школьники	3	3	1	1
Студенты	16	30	12	8
Работающие	8	6	5	6
Место проживания				
Белгород	5	14	4	7
Старый Оскол	11	10	7	4
Белгородский район	0	3	2	0
Урбанистическая и сельская культура				
Выходцы из города	20	34	18	14
Выходцы из сельской местности	4	4	2	3
Итого				
Всего:	25	41	23	11

Главной задачей в данном случае мы полагали выявление и сравнение степени оскорбительности представленных инвектив в сознании носителей

языка (по группам респондентов) и сопоставление полученных данных со словарным материалом.

При сравнении ответов мужчин и женщин было выявлено, что для мужчин эти ЛСВ равно оскорбительны и недифференцируемы по степени инвективности, в то время как для женщин зоометафора *козёл* представляется более оскорбительной номинацией, нежели *осёл* (32% и 19% соответственно). Можем полагать, что женщины зачастую номинируют посредством зоометафоры *козёл* представителей мужского пола (ср. разговорную поговорку: *всё мужики – козлы*), приписывая им различные негативные характеристики (плохой запах, глупость, упрямство и проч.). Таким образом, в традиционном бытовом женском языковом сознании дифференциация значений анализируемых зоометафор обнаруживается более отчётливо, что, в свою очередь, влечёт за собой более высокую частотность и инвективность ЛСВ *козёл*.

Возрастной критерий также выявил определённые различия по группам респондентов. В двух группах респондентов: до 17 лет и от 22 до 35 лет – оскорбительность обеих метафор характеризуется практически равной степенью, а в возрастной группе от 18 до 21 года более высокой инвективностью характеризуется номинация *козёл* (в два раза больше опрошенных отметило данную зоометафору как более уничижительную, по сравнению с инвективой *осёл* или двумя вариантами одновременно). Можно предположить, что для представителей этой возрастной группы различия в степени инвективности анализируемых синонимичных ЛСВ наиболее явны, в то время как остальные осознают наличие общих негативных коннотаций, зафиксированных и в рассматриваемых словарях, без конкретизации степени выраженности признака.

Идентичная картина наблюдается при сравнении результатов групп, выделяемых с учётом социального статуса опрошенных: для школьников и работающей молодёжи различия в восприятии данных зоометафор практически отсутствуют, в то же время студенты полагают более инвективной зоометафору

козёл (30%). Нет единообразия в восприятии данных пар и в территориальном аспекте: для белгородцев более оскорбительной представляется лексема *козёл*, для старооскольцев оба ЛСВ равно оскорбительны. Для выходцев из сельской местности дифференциация по степени инвективности выражена слабо, а для носителей городской культуры более оскорбительной оказывается лексема *козёл*. Как видим, в отношении синонимичной пары зоометафор-инвектив *осёл – козёл*, несмотря на значительно более высокую инвективность ЛСВ *козёл* (41%), мы не можем с достаточной долей уверенности говорить о том, что в сознании всех носителей языка такая дифференциация присутствует. Как показал эксперимент, трактовка анализируемых зоометафор как широко употребительных оскорблений вообще, без конкретизации значений, является ведущей. В целом, с точки зрения социокультуры, следует отметить как негативный факт высокой частотности данных инвектив в речи россиян.

Б) **Дебил – баран.** Зоометафора *баран* находится в отношениях синонимии с пейоративом *дебил*, относящимся к категории прямых оскорблений и обозначающим психически недоразвитого человека. Данную пару инвектив можно отнести к ЛСГ «Оценка интеллектуальных способностей человека. Одно из переносных значений зоометафоры *баран* связано с наименованием глупого, «тупого» и упрямого человека, второе – человека, покорного судьбе и/или не сопротивляющегося обстоятельствам, третье – являет собой номинацию человека с очень кудрявыми волосами (перенос по внешнему сходству). В сознании носителей языка первое значение является основным – об этом говорят соответствующие словесные реакции: *глупый человек, упрямый человек, тупой, недалёкость в каком-то конкретном вопросе, «ступил, значит», не очень умный наглый парень, упёртый*. Развитие этого метафорического значения связано с представлением о баране как твёрдолобом, упрямом и глупом животном. Это служит основанием для отнесения лексем к соответствующим тематическим

группам: «оценка интеллектуальных способностей», «степень уверенности в собственной правоте».

Как видим, ЛСВ *баран* в сознании русскоговорящих связан с понятием глупости и упрямства, что подтверждают данные толковых и ассоциативных словарей (см. *Список использованных словарей*), которые полностью совпадают с реакциями опрошенных в ходе эксперимента. Причём в сознании говорящих понятия глупости и тупости соотносимы (этим объясняется и то, что в РАС самой популярной реакцией на стимул *баран* стала реакция *тупой*), равно как понятия недалёкости и упрямства («упёртости»). Ниже представлены результаты сравнительного анализа номинант *дебил* и *баран*, которые были получены в ходе лингвистического эксперимента (см. *Таблица №2*).

Таблица №2

Группы респондентов	Дебил (доля опрошенных в %)	Баран (доля опрошенных в %)	Дебил=баран (доля опрошенных в %)	Нет ответа (доля опрошенных в %)
Гендерный критерий				
Мужчины	15	4	4	3
женщины	54	5	11	4
Возрастной критерий				
До 17 лет	6	0	2	2
от 18 до 21 года	34	6	13	3
от 22 до 35 лет	18	2	2	1
Социальный критерий				
Школьники	6	0	0	1
Студенты	44	7	12	3
Работающие	18	2	5	2
Место проживания				
Белгород	18	2	8	3
Старый Оскол	23	6	3	1
Белгородский район	3	0	2	0

<i>Урбанистическая и сельская культура</i>				
Выходцы из города	61	7	13	5
Выходцы из сельской местности	10	1	2	1
Всего:	71	8	15	6

Как показывают результаты, прямое оскорбление *дебил* воспринимается во всех рассматриваемых группах как сильная инвектива, которая оценивается в несколько раз более оскорбительно, чем зоометафора *баран* (71% и 8% соответственно). Вторым по популярности ответом стало признание обеих единиц равно оскорбительными (15% респондентов).

В) **Кошка – сучка.** Зоометафоры *кошка* и *сучка* объединены синонимичным значением – они обе используются как обозначение женщины (девушки) лёгкого поведения. Однако в нормативных толковых словарях переносного значения лексемы *кошка*, которое бы имело отношение к человеку, не обнаруживаем. Оно зафиксировано в ТСРС под ред. В.С. Елистратова (вместе с синонимом *кошара*) [24] и ИС «Словоново» [26]. В качестве бранных словари фиксируют словосочетания *драная кошка*, *ободранная кошка*, *облезлая кошка*, существительное *кошкодав* ('жестокий, сильный, тупой человек') и глагол *кошарить* (интересоваться женщинами; развратничать; жить за счёт любовниц). Продуктивность словообразовательного гнезда этой лексемы обусловлена важным местом, которое занимает кошка в русской культуре как хранительница дома (по традиции кошку первой пускают в новое жилище), и вторым значением, связанным с проявлением «демонических» черт у кошки (в контексте мифологической картины мира). Наиболее полно толкование переносных значений лексемы *кошка* представлено в словаре РКП [30] – здесь отмечены 7 значений этой лексемы, правда, значения 'девушка лёгкого поведения' среди них

нет. В сознании говорящих стимул *кошка* вызывает следующие реакции: *грациозная (6), хитрая (6), ласковая (6), сама по себе, со всеми и ни с кем (5), независимость (3), изящество (3), тёплая (3), мягкая (3), домашняя (3), гордость (2), свобода (2), пушистая (3), нежность (2), похоть, распутство, сексуальность (2), коварство (2), кошачья походка, кошачья непостоянность*.

Вторая зоометафорическая единица в этой паре, даже несмотря на наличие уменьшительно-ласкательного суффикса, в словарях получает отсылку к ругательству *сука*, которое, вслед за лексикографами, мы можем отнести к инвективам с широкой валентностью (в том числе номинанта обозначает женщину лёгкого поведения), поскольку данный ЛСВ имеет пометы: *груб. прост., бран., разг.* О многочисленных пейоративных производных от этой лексемы мы говорить не будем, отметим лишь наличие отношений синонимии с зоометафорами *овца* и *коза* (как лексемами, которые также входят в круг рассматриваемых нами зоометафор-инвектив). Ниже приведены результаты экспериментально полученной оценки степени инвективности анализируемых единиц (*Таблица №3*).

Таблица №3

Группы респондентов	Кошка (доля опрошенных в %)	Сучка (доля опрошенных в %)	Кошка=сучка (доля опрошенных в %)	Нет ответа (доля опрошенных в %)
Гендерный критерий				
Мужчины	1	20	0	4
женщины	4	55	2	13
Возрастной критерий				
До 17 лет	1	7	0	2
от 18 до 21 года	4	48	1	12
от 22 до 35 лет	1	18	0	4
Социальный критерий				
Школьники	1	5	0	1
Студенты	4	48	1	12

Работающие	1	17	0	5
<i>Место проживания</i>				
Белгород	0	24	1	5
Старый Оскол	2	30	0	1
Белгородский район	0	2	1	2
<i>Урбанистическая и сельская культура</i>				
Выходцы из города	4	65	2	15
Выходцы из сельской местности	1	10	0	3
Всего:				
	5	75	2	18

Подробно останавливаться на каждом критерии мы не будем, поскольку в каждой из рассматриваемых гендерных, возрастных, социальных и географических групп проявилась общая тенденция: по мнению большинства опрошенных (75%), вторая зоометафора в анализируемой синонимической паре является более оскорбительной.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что в случае наличия общеупотребительного эквивалента носители языка его воспринимают менее оскорбительно, чем его синонимичный ненормативный вариант. Кроме того, даже снижение степени инвективности за счёт использования словообразовательным форманта (-к-) не играет значимой роли. Ещё одной причиной меньшей степени инвективности метафоры *кошка* может служить наличие у производящего зоонима различных переносных значений, которые имеют положительную коннотацию: 1) человек с независимым характером, свободолюбивый; 2) человек, отличающийся живучестью, умеющий приспосабливаться к новым условиям, справляться с любыми ситуациями и т.п. Исходя из этого, можем сделать индуктивный вывод, что при сравнении слова, имеющего как положительно, так и отрицательно нагруженные ЛСВ, со словом с преимущественными отри-

цательными значениями носители языка с большей долей вероятности отметят второе как более оскорбительное.

Анализ прочих синонимичных пар подтвердил данные выводы.

Заключение

Экспериментальный анализ синонимических пар зоометафорических инвектив позволяет сделать следующие выводы:

1) Данные нормативных словарей не позволяют в полной мере оценить инвективный потенциал лексем, так как многие инвективы (*петух, козёл, дятел, олень, баран, хорёк* и проч.) не находят отражения в словарях, даже с учётом возможных стилистических помет. Некоторые из них отмечены в ТСРШСЖ [31], ТСРС под ред. В.С. Елистратова [24], ИС «Словоново» [26], РАС [29], однако в целях максимального снижения употребительности бранной лексики и упорядочения судебной практики, связанной с борьбой за чистоту языка, необходимы специальные словари, включающие инвективные ЛСВ, соответствующие пометы и индексы инвективности [9, 10] по каждому пейоративному значению.

2) Формирование описательного значения слова через данные ассоциативных экспериментов позволяет фиксировать значения, которые сложились в обыденном сознании носителей языка, а следовательно, ощущаются как потенциально инвективные, что может служить дополнительным доказательством инвективной интенции в случае оскорбления чести и достоинства человека.

3) При сравнении двух синонимичных номинант по степени инвективности (оскорбительности) возможны следующие ситуации (представлены общие результаты сравнения):

а) одна из лексем оценивается носителями языка как более оскорбительная по сравнению с другой; при этом в лексикографических источниках представлено инвективное значение обеих лексем и имеются соответствующие по-

меты (в данном случае говорим о представленности инвективных значений в нормативных и ненормативных словарях): *осёл – ишак* и др.;

б) одна из лексем оценивается носителями языка как более оскорбительная по сравнению с другой; в лексикографических источниках инвективное значение представлено не в полной мере (например, отмечается только одним из ненормативных словарей и т.п., но не зафиксировано в нормативных толковых словарях) или не представлено вовсе: *индюк – петух, бык – животное, осёл – козёл, дятел – олень* и др. В данном случае могут возникать сложности в проведении лингвокриминалистической экспертизы, исходя из чего лексикографические лакуны должны быть заполнены посредством создания специальных словарей дискриминирующей лексики с включением зоометафорических ЛСВ;

в) ни одна из лексем не воспринимается говорящими как более оскорбительная (можем говорить о полном или практически полном тождестве инвективности языковых единиц), в лексикографических источниках представлено инвективное значение обеих лексем и имеются соответствующие пометы: *животное – тварь*.

4) В отношении некоторых синонимичных пар (например, *осёл – козёл*), несмотря на то, что при сравнении ответов респондентов выявляется явный «лидер инвективности» (*козёл – 41%*), мы не можем с достаточной долей уверенности утверждать, что в сознании всех носителей языка такая дифференциация присутствует. Как показал эксперимент, для носителей языка представление о некоторых зоометафорах как номинантах с общим пейоративным значением (без конкретизации) является ведущим (данный факт подтверждается и материалами словарных статей).

5) Наблюдается различие в восприятии и оценке инвектив по возрастным, гендерным, возрастным, социальным и географическим группам. При этом возможны случаи, когда представители различных групп респондентов сходят-

ся в оценке языковых явлений (*бык – животное, козёл – осёл* и др.), и случаи расхождения в оценке степени инвективности по отдельным критериям (*дятел – олень* и проч.).

б) При сравнении зоометафор-инвектив со словами других групп инвективной лексики отмечаем тенденцию к восприятию прямых оскорблений как более дискриминирующих по сравнению с переносными значениями зоонимов (*тупица – баран, хорёк – жмот, лох – олень* и др.). Также верно, что при сравнении метафорической номинанты, для которой возможны как положительная, так и отрицательная коннотации, с номинантой с преимущественно отрицательной оценочностью носители языка с большей долей вероятности отметят как более оскорбительную вторую номинацию (*лиса – жук* и подоб.).

7). Одним из дополнительных факторов при формировании в сознании носителей языка представления о номинанте как более оскорбительной является инвективная многозначность лексемы (по сравнению с однозначными инвективами) (*ишак – осёл* и подоб.).

Рассматривая значения инвективных зоометафор, представленные в словарях, а также учитывая результаты лингвистического эксперимента, мы определили критерии оценки слов из разряда эмоционально-оценочной лексики как потенциальных слабых, средних и сильных инвектив: слабые инвективы чаще всего имеют пометы *перен.*, *разг.* и *пренебр.*, средние – содержат пометы: *разг.*, *пренебреж.*, *презрит.*, *шутл.-ирон.*, *сленг*, а сильные – *разг.*, *прост.*, *груб.*, *прост.*, *вульг.*, *презр.*, *фам.*, *бытовой жаргон*, *бран.* Привлечение к анализу данных ненормативных словарей (словарей сленга, жаргона и аргоса и др.) позволяет зафиксировать развитие инвективного ЛСВ на начальном этапе, а также опираться на сам факт присутствия зоометафоры в ненормативных словарях, что заведомо репрезентирует языковую единицу как инвективную (речь идёт, прежде всего, о словарях бранной лексики). Опора на дефиниции, представленных в нормативных и ненормативных словарях позволяет, наряду с другими

методами, выявить инвективный потенциал слова. Как считает Н.В. Семёнова, *«слово инвективно, если реализуются необходимые условия инвективной коммуникативной ситуации (КС), а именно: оскорбительный мотив, отрицательная эмоция, негативный актуальный личностный смысл, нарушение поведенческих социальных норм»* [14, с. 7].

Мы вывели определённый алгоритм анализа инвективной лексики с целью диагностирования инвективного намерения индивида:

1) Внешний анализ ситуации оскорбления:

а) конкретная языковая ситуация, в ходе которой используются эмоционально-окрашенные слова и выражения;

б) намерения (интенции) говорящего (пишущего);

в) социальное положение и социальные роли адресата и коммуниканта (так, *козёл* в разговорной речи может быть обращением к неприятному мужчине, а в уголовном жаргоне это одно из серьёзнейших оскорблений).

2) Выявление инвективных лексем, их толкование с опорой на данные нормативных словарей.

3) Привлечение к анализу (в случае необходимости) словарей ненормативной лексики.

4) Подкрепление полученных данных результатами лингвистических экспериментов (описательное значение).

Если инвективные значения осознаются носителями языка и наличие инвективных сем подтверждается результатами ассоциативных экспериментов, то можно убедительно говорить о том, что инвективность подобных образований не вызывает сомнений, а значит, их использование в речи заведомо предполагает необходимость несения ответственности, в том числе – административной, за употребление номинант с инвективной интенцией как нарушающее культурное табу и порочащее честь и достоинство адресата.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 120 с.
3. Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: дис. ... канд.филол. наук. Екатеринбург, 2002. 225 с.
4. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 8-40
5. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в юридическом освещении // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11-58.
6. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. М.: Медея, 2004. С. 289-298.
7. Кошарная С.А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса человек – природа в русской языковой картине мира: автореф. ... д.ф.н.. Белгород, 2002. 46 с.
8. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М: Рос.гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144-238.
9. Маслов А.С. Использование индекса инвективности при характеристике зоометафор в современном русском языке // Научные ведомости БелГУ. Серия. Гуманитарные науки. № 13 (156) 2013. Вып. 18. С. 33-40.
10. Маслов А.С. Индекс инвективности: на стыке лингвистики и права (на материале лексико-семантической группы зоометафор-инвектив «Подлость») //

В мире научных открытий (Проблемы науки и образования). № 11.6(47). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. С. 218-236.

11. Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное// Русистика. Берлин, 1994. С. 50-73.

12. Патюкова Р.В. Зооморфная метафора как одна из составляющих образности публичного выступления (на материале английского и русского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zoomorfnaya-metafora-kak-odna-iz-sostavlyayuschih-obraznosti-publichnogo-vystupleniya-na-materiale-angliyskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 15.02.2014)

13. Поваляева Т.Э. Лексикографическая интерпретация инвективных зоометафор в словарях разных типов // Современная русская лексикография: Сборник статей / Отв.ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2010. С.189 – 197.

14. Семёнова Н.В. Лингвистическая диагностика инвективного слова: автореф. дис....канд. филол. наук. Москва, 2008. 26 с.

15. Стернин И.А. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // «Воронежский адвокат». №1 (79). 2010. С. 16-21. URL: <http://www.advpalata.vrn.ru/cgi-bin/mag.pl/2010/01/4> (дата обращения: 11.02.2014)

16. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 189 с.

17. Шарифуллин Б.Я. Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика atque юриспруденция//Вестник Красноярского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Красноярск, 2000. № 2. С. 93-96.

18. Corwin R. Kruse. Social Animals: Animal Studies and Sociology, 2002. URL: http://animalsandsociety.org/assets/library/475_s1047.pdf (дата обращения: 10.02.2014)

19. Rodríguez, I.L. Of Women, Bitches, Chickens and Vixens: Animal Metaphors for Women in English and Spanish//Cultura, lengua jeyre presentación / Culture, language and representation/ 2009. pp. 77-100.

20. Жерибко, Н.Н. Зооморфизм как лингвистический и философский термин // Вісник Дніпропетр.ун-ту. Серія «Мовознавство». 2005. №2/1. С. 128-133.

21. Голубовська І. Метафорико-символічні постасі зоонімів у рамках фрагмента мовної картини світу «Царство тварин» (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) // Мовознавство. 2003. №6. С. 61-68.

22. Скиданенко Ю. Зооморфізми в російській та іспанській мовах: порівняльний аналіз і проблеми перекладу // Філологічні науки: зб. Наук. праць Полтавського держ.пед.ун-ту ім. В.Г. Короленка. Вип. 4-5. Полтава, 2000. С. 177-187.

Список использованных словарей

23. БТСР – Большой толковый словарь русского (ТСРЯ под ред. Кузнецова) URL: http://mirсловarei.com/content_kuznec/kurazhit-sja-115984.html (дата обращения: 18.01.2014)

24. ТСРС под ред. В.С. Елистратова – Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2007. 672 с.

25. ИС «Словарь мата» — Интернет-словарь «Словарь мата» (ИС «Словарь мата»). URL: http://www.ruski-mat.net/e/mat_slovar.htm (дата обращения: 20.02.2014)

26. ИС «Словоново» — Интернет-словарь новой лексики «Словоново». URL: <http://www.slovonovo.ru/> (дата обращения: 15.02.2014)

27. Квиселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 1024 с.

28. МАС – Малый академический словарь русского языка. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm> (дата обращения: 18.02.2014)

29. РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1, 2 / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002. 992 с.

30. РКП – Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. Первый («Лингвокультурологический словарь» под ред. Захаренко В.В.) / И.С.Брилёва, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.

31. ТСПШСЖ – Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона (ТСПШСЖ) (Соавт. Вальтер Х., Мокиенко В.М.). Москва: АСТ-Астрель, 2005. 360 с.

32. ТСПРЯ под ред. Д.Н. Ушакова – Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 15.02.2014)

References

1. Alefirenko N.F. *Pojeticheskaja jenergija slova. Sinergetika jazyka, soznanija i kul'tury* [Poetic power of speech. Synergetics language, consciousness and culture]. М.: Academia, 2002. 394 p.

2. Arutjunova N.D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. М.: School «Languages of Russian Culture», 1999. 120 p.

3. Vershinina T.S. *Zoomorfnaja, fitomorfnaja i antropomorfnaja metafora v sovremennom politicheskom diskurse: dis. ... kand.filol. nauk* [Zoomorphic, fitomorphic and anthropomorphic metaphor in modern political discourse]. Ekaterinburg, 2002. 225 p.

4. Golev N.D. *Juridizacija estestvennogo jazyka kak lingvisticheskaja problema* [Juridization of natural language as a linguistic problem]. Barnaul, 2000. S. 8-40

5. Golev N.D. *Juridicheskiy aspekt jazyka v juridicheskom osveshhenii* [Legal aspect of language in legal coverage] *Yuryslynhvystyka* 2. Russian language in the natural ego and yurydycheskom existence. Barnaul, 1999. pp. 11-58.

6. Zhel'vis V.I. *Slovo i delo: juridicheskiy aspekt skvernoslovija* [Word and deal: legal aspect of profanity]. Moscow: Medea, 2004. pp. 289-298.

7. Kosharnaja S.A. *Lingvokul'turologicheskaja rekonstrukcija mifologicheskogo kompleksa chelovek – priroda v russkoj jazykovoj kartine mira* [Lingvokulturological reconstruction of mythological man`s complex - nature in the Russian language picture of the world]. Belgorod, 2002. 46 p.

8. Kubrjakova E.S. *Jevoljucija lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine 20 veka (opyt paradigmal'nogo analiza)* [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigmatic analysis)] *Language and Science con. 20th century*. M: RSH University Press, 1995. pp. 144-238.

9. Maslov A.S. *Ispol'zovanie indeksa invektivnosti pri harakteristike zoometafor v sovremennom russkom jazyke* [Using of invective index in characteristics zoometaphor in modern Russian language] *Scientific Gazette BSU. Series. Human science*. № 13 (156) 2013. Ed. 18. pp. 33-40.

10. Maslov A.S. *Indeks invektivnosti: na styke lingvistiki i prava (na materiale leksiko-semanticheskoy gruppy zoometafor-invektiv «Pod-lost'»)* [Index invective at the border of Linguistics and Law (based on the lexical-semantic group of zoometaphor and invectives «Villainy»)] *In the world of scientific discoveries (Problems of Science and Education)*. № 11.6 (47). Krasnoyarsk, Research and Innovation Center, 2013. pp. 218-236.

11. Mokienko V.M. *Russkaja brannaja leksika: cenzurnoe i necenzurnoe* [Russian warlike vocabulary: censorship and obscene] *Rusistika*. Berlin, 1994. pp. 50-73.

12. Patjukova R.V. *Zoomorfnaja metafora kak odna iz sostavljajushchih obraznosti publichnogo vystuplenija (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov)* [Zoomorphic metaphor as one of the components of the imagery of public speaking (on the English and Russian languages)] Journal of Adyghe State University. Series 2: Literature and Art Criticism. 2009. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zoomorfnaya-metafora-kak-odna-iz-sostavlyayuschih-obraznosti-publichnogo-vystupleniya-na-materiale-anglijskogo-i-russkogo-yazykov> (accessed February 15, 2014)

13. Povaljaeva T.Je. *Leksikograficheskaja interpretacija invektivnyh zoometafor v slovarjah raznyh tipov* [Lexicographical interpretation invective zoometafor in dictionaries of different types] Modern Russian lexicography: Collected papers. M. ed. S.A. Myznikov, O.N. Krylova. Inst lingua. issled. RAS. St. Petersburg.: Science, 2010. pp. 189 – 197.

14. Semjonova N.V. *Lingvisticheskaja diagnostika invektivnogo slova*. [Linguistic diagnostics invective words] Moscow, 2008. 26 p.

15. Sternin I.A. *O ponjatii «neprilichnaja forma vyskazyvanija» v lingvisticheskoj jekspertize* [On the concept of "indecent form of expression" in the linguistic expertise] «Voronezh lawyer». №1 (79). 2010. S. 16-21. URL: <http://www.advpalata.vrn.ru/cgi-bin/mag.pl/2010/01/4> (accessed February 11, 2014)

16. Chudinov A.P. *Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg, 2003. 189 p.

17. Sharifullin B. Ja. *Invektiva: lingvistika vs. jurisprudencija, ili lingvistika atque jurisprudencija* [Invective: linguistics vs. jurisprudence, or linguistics atque jurisprudence] Journal of Krasnoyarsk State University. Series «Humanities». Krasnoyarsk, 2000. № 2. pp. 93-96.

18. Corwin R. Kruse. *Social Animals: Animal Studies and Sociology*, 2002. URL: http://animalsandsociety.org/assets/library/475_s1047.pdf (February 10, 2014)

19. Rodríguez, I.L. Of Women, Bitches, Chickens and Vixens: Animal Metaphors for Women in English and Spanish. *Cultura, lengua jeyre presentación. Culture, language and representation*. 2009. pp. 77-100.

20. Zheribko, N.N. *Zoomoforfizm kak lingvisticheskiy i filosofskiy termin* [Zoomorphism as a linguistic and philosophical term] *Scientific journal of the Dnepropetrovsk University. Series «Linguistics»*. 2005. №2/1. pp. 128-133.

21. Golubovs'ka I. *Metaforiko-simvolichniipostasi zoonimiv u ramkah fragmenta movnoi kartiny svitu «Carstvo tvarin» (na materialy ukrainskoi, rosij's'koi, anglijs'koi ta kitaj's'koi mov)* [Metaphor, symbolic incarnation dumb within the fragment pattern of language picture «Animal Kingdom»]. *Linguistics*. 2003. №6. С. 61-68.

22. Skidanenko Ju. *Zoomorfizmi v rosij's'kij ta ispans'kij movah: porivnjal'nij analiz i problemi perekladu* [Zoomorfizmy in the Russian and Spanish languages: comparative analysis of translation problems] *Philology: Sat Sciences. works. Poltava derzh.ped.un-t of V.G. Korolenko*. 4-5. Poltava, 2000. pp. 177-187.

List of used dictionaries

1. Great Dictionary of Russian language URL: http://mirslovarei.com/content_kuznec/kurazhit-sja-115984.html (accessed February 1, 2014)

2. Yelistratov V.S. *Dictionary of Russian slang*. Moscow: AST-PRESS BOOK . 2007 . 672 p .

3. Online dictionary «Dictionary of filthy language». URL: http://www.ruski-mat.net/e/mat_slovar.htm (accessed February 20, 2014)

4. Online dictionary of new vocabulary «Slovonovo». URL: <http://www.slovonovo.ru/> (accessed February 15, 2014)

5. Kviselovich D.I. *Explanatory Dictionary of Russian language profanity*. Moscow: ООО «Publisher Astrel» LLC «Publisher AST», 2003 . 1024 p .

6. Small Academic Russian Dictionary. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm> (accessed February 18, 2014)

7. Russian associative dictionary. In 2 vols 1, 2 . N. Guards , G.A. Cherkasova , N.V. Ufimtseva, Y. Sorokin, E.F. Tarasov. Moscow, 2002 . 992 p.

8. Russian cultural space: Lingvokulturological dictionary: Vol. The first («Lingvokulturological dictionary» under Ed. Zakharenko V.V .) I.S. Brileva, N.P. Volsky, D.B. Gudkov, I.V. Zakharenko, V.V. Reds. M.: «Gnosis», 2004. 318 p.

9. Dictionary of Russian school and student slang (co-author Walter H., Mokienko V.M.) . Moscow: AST - Astrel, 2005. 360 p .

10. Ushakov D.N. Dictionary of Russian language. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (accessed February 15, 2014)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Маслов Андрей Сергеевич, аспирант историко-филологического факультета педагогического института

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015, Россия*

e-mail: maslov-as1@yandex.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 7548-5849

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maslov Andrew Sergeevich, graduate student of the faculty of History and Philology

Belgorod State National Research University

Pobeda st., 85, Belgorod, Belgorod region, 308015, Russia

e-mail: maslov-as1@yandex.ru

Рецензент:

Кошарная С.А., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики преподавания историко-филологического факультета педагогического института НИУ «БелГУ»